

КАТЕГОРИИ ОСТОРОЖНОСТИ И СМЕЛОСТИ В ФИЛОСОФИИ И ДУХОВНЫХ ТРАДИЦИЯХ

Проф. Валентин Ю. Ирхин
Институт физики металлов им. М.Н. Михеева УрО РАН
620108 Екатеринбург, Россия
virkhin@mail.ru

В контексте учения о добродетелях рассмотрена диалектика категорий осторожности, благоразумия, страха, мужества, дерзости и смелости в античной, еврейской и христианской философии и религии. Привлекаются также восточные духовные традиции, включая учения древнего Китая и буддизм.

Ключевые слова: философские фишки, Инь и Ян, осторожность, *phronêsis*, смелость, кардинальные добродетели.

В работе [1] В. Томский выделяет семь символических категорий («философских фишек»), объединяющих по четыре понятия, сгруппированных попарно (находящихся на разных сторонах символической фишки). Он также анализирует переходы от одной пары к другой и обратно (процессы «переворачивания» фишек). Такая техника символической визуализации философских и психологических понятий предназначена для осознания возникших проблем и путей их решения. Философские фишки напоминают символ Инь и Ян, также обладая возможностью перехода-трансформации, преобразования негативной энергии в позитивную. В. Томский использует аналогию с философским камнем алхимиков, призванным облагораживать металлы. Здесь мы рассмотрим первую фишку:

ОСТОРОЖНОСТЬ – Страх < - > СМЕЛОСТЬ – Неосторожность, где < - > обозначает возможность переворачивания другой стороной.

Отношение между категориями Осторожность и Смелость можно символически изобразить в терминах Инь и Ян следующим образом: ОСТОРОЖНОСТЬ – Смелость < - > СМЕЛОСТЬ — Осторожность, где < - > обозначает комплементарность этих категорий.

Осторожность легко переходит в страх : ОСТОРОЖНОСТЬ → Страх, который является парализующей энергией, лишает человека сил [1]. Как говорится в буддийской джатаке, «страх не годится как защита».

С другой стороны, смелость легко переходит в неосторожность: СМЕЛОСТЬ → Неосторожность. Но перед этим она может перейти в наглость. Конфуций сказал: «Почтительность без ли (ритуала, знания должного) есть суетность. Осторожность без ли есть трусость. Смелость без ли ведёт к смуте. Прямота без ли есть грубость».

Десятая гексаграмма И Цзин (*ли*, Наступление) имеет ключевым смыслом осторожность: "Смелость вдвойне хороша, если она осмотрительна и разумна".

Формула, ОСТОРОЖНОСТЬ – Страх < - > СМЕЛОСТЬ – Неосторожность, описывает отношение между четырьмя понятиями. Ее визуализация в виде «фишки» позволяет описать действия «очищения» и «перевертывания», облегчающие восприятие проблем, их преодоление.

Осторожность (греч. *phronêsis*, лат. *prudencia*, также переводится как благоразумие, рассудительность или мудрость) является важным понятием античной философии, которое подробно обсуждалось в философии Аристотеля. *Смелость* (мужество, греч. *andreia*, лат. *fortitudo*) тоже является одной из важнейших античных добродетелей.

Впервые четыре главные добродетели (мужество, умеренность, справедливость, благоразумие) вероятно были выделены Эсхилом и затем вошли в традицию поздней античности через Платона, Аристотеля и стоиков. Это понятие описывались диалектически.

Истинное мужество – осторожность. (Еврипид)

Сама диалектика есть вещь необходимая: это добродетель, объемлющая собою другие добродетели. Осторожность есть наука, когда следует и когда не следует что-то признавать. Осмотрительность есть сильное напряжение разума против вероятия, чтобы не поддаться ему. Неопровержимость есть сила разума, которою он стоит на своем и не переходит на противоположное. Несуетность есть совпадение, возводящее представления к верному разуму. (Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. Зенон)

В христианство понятие четырех кардинальных добродетелей ввел Амвросий Медиоланский. Вслед за ним эту систему развивали отцы церкви. Вместе с тремя главными теологическими добродетелями (верой, надеждой, любовью; названными в посланиях апостола Павла) благоразумие, справедливость, умеренность и мужество составили семь добродетелей, которые также называются кардинальными. Они рассматриваются и как семь даров Святого Духа. Это учение, особенно развитое в «Сумме теологии» Фомы Аквинского, и утвердилось в католической церкви, катехизис которой гласит:

Благоразумие есть добродетель, располагающая практический разум при любых обстоятельствах распознавать наше истинное благо и выбирать правильные средства для его совершения. "Благоразумный внимателен к путям своим" (Притч 14,15). "Будьте благоразумны и бодрствуйте в молитвах" (1 Петр 4,7). Благоразумие есть "прямое правило всякого действия", пишет св. Фома вслед за Аристотелем. Не надо смешивать его ни с робостью или страхом, ни с двуличностью или фальшью. Его называют *руководителем добродетелей* (*auriga virtutum*): оно ведет за собой другие добродетели, указывая им путь и меру. Именно благоразумие непосредственно руководит суждением совести. Благоразумный человек принимает решения и организует свое поведение в соответствии с этим суждением. Благодаря этой добродетели, мы безошибочно применяем моральные принципы в каждом частном случае и преодолеваем сомнения по поводу добра, которое надо делать, и зла, которого надо избегать.

Мужество есть нравственная добродетель, обеспечивающая твердость в преодолении трудностей и постоянство в следовании добру. Оно укрепляет решение сопротивляться искушениям и преодолевать препятствия в нравственной жизни. Добродетель мужества делает человека способным преодолевать страх, даже страх смерти, и переносить испытания и преследования. Оно располагает к самоотрешенности и самопожертвованию ради правого дела.

Обратимся к первоисточникам библейской религии. В ее различных духовных и культурных традициях понятия страха, осторожности, смелости поворачиваются разными гранями. Они по-разному трактуются в иудаизме и христианстве, в Ветхом и Новом завете, где речь идет не только о взаимодействиях между людьми, но и об отношениях с Богом.

Начало мудрости – страх Господень. (Пс. 110:10)

Не будь мудрецом в глазах твоих; бойся Господа и удаляйся от зла. (Притчи 3:7)

Служите Господу со страхом и радуйтесь с трепетом. (Пс. 2:11)

Страх Господень чист, пребывает вовек. Суды Господни истина, все праведны. (Пс. 18:10)

И сказал Моисей народу: не бойтесь; Бог пришел, чтобы испытать вас и чтобы страх Его был пред лицом вашим, дабы вы не грешили. (Исх. 20:20)

С другой стороны, в Библии и апокрифических христианских текстах много раз звучат слова Бога, обращенные ко всему народу Израиля и отдельным героям, пророкам и апостолам: *не бойся*.

Вот Я повелеваю тебе: будь тверд и мужествен, не страшись и не ужасайся; ибо с тобою Господь Бог твой везде, куда ни пойдешь. (Иис. Н. 1:9)

Будьте тверды и мужественны, не бойтесь, и не страшитесь их, ибо Господь Бог твой Сам пойдет с тобою и не отступит от тебя и не оставит тебя. (Втор. 31:6)

Боязнь пред людьми ставит сеть; а надеющийся на Господа будет безопасен. (Псалом 29:25)

Господь за меня, не утрашусь: что сделает мне человек? (Пс. 117:6)

Не бойся, ибо Я - с тобою; не смущайся, ибо Я - Бог твой; Я укреплю тебя, и помогу тебе, и поддержу тебя десницею правды Моей. (Исаия 41:10)

Мир оставляю вам, мир Мой даю вам: не так, как мир даёт, Я даю вам. Да не смущается сердце ваше и да не устрашается. (От Иоанна 14:27)

В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение. Боящийся несовершен в любви. (1 Иоанна 4:18)

В общепринятом русском синодальном переводе Библии часто используется слово *дерзновение* (в новых переводах уже стоит *смелость*).

Ибо хорошо служившие готовят себе высшую степень и великое дерзновение в вере во Христа Иисуса. (1Тим. 3:13)

Христос – как Сын в доме Его; дом же Его – мы, если только дерзновение и упование, которым хвалимся, твердо сохраним до конца. (Евр. 3:6)

Тема страха и христианской смелости, основанной на вере, глубоко отражена в христианской философии, например в трактатах С. Кьеркегора («Понятие страха», «Страх и трепет»).

Со страхом и трепетом совершайте свое спасение. (К Филиппийцам 2:12)

Диалектика осторожности и смелости нашла отражение и в европейской литературной классике.

Смелость, которая не зиждется на осмотрительности, именуется безрассудством, подвиги же безрассудного скорее должны быть приписаны простой удаче, нежели его храбрости. (Сервантес, Дон Кихот)

Не надо смешивать осторожность с трусостью, сударь. Осторожность — это добродетель. (Александр Дюма. Три мушкетера)

В еврейском этическом трактате *Орхот цадики* раскрывается диалектика смелости и наглости:

В ком есть свойство *наглости* (азут), творит многие преступления, одно за другим, и считает себя праведником. Потому-то мы и произносим в исповеди: "Мы не настолько наглы и жестоковейны, чтобы сказать пред Тобой, Всевышний, что мы праведны и не согрешили, - мы согрешили". Но когда преступник говорит: "Я не согрешил!" - вот дурное и болезнетворное качество. За это Всевышний осудит его и не пожалеет, как написано: "Я буду судить тебя за то, что ты говоришь: "Я не согрешил!" (Иер. 2:35), и сказано: "Кто скрывает свои преступления - не преуспееет, а того, кто признается и оставит дурной путь, - пожалеют и помилуют" (Притчи 28:13). Путь наглости весьма далек от пути раскаяния и от пути добра, ибо о блуднице сказано: "Нагло говорит ему" (там же 7; 13).

Это очень дурное свойство: оно приводит человека к тому, что он срамит товарищей и бедных подобно тому, как сказано: "Нищий говорит с мольбою, а богатый отвечает нагло" (Притчи 18:23). А уж тем более тот, кто презирает и срамит своих учителей, по своей великой наглости упрямо грубит упрекающим его, - это свойство сживает наглеца со света. И это свойство следует изгнать из своей души!

Но свойство "азут" весьма похвально, когда оно применяется к служению Всевышнему. Быть наглым и дерзким перед злодеями и не покорствоваться им, не слушать их совета и не соглашаться с их ложью и мерзостями, и не льстить им! Нужно дерзать в исполнении заповедей и в тех случаях, когда люди насмеются над этим. И нужно дерзать и спрашивать своих учителей, если чего не знаешь, и не стесняться в этом. И нужно быть дерзким, открывая людям их грехи и упрекая их.

Но там, где свойство "азут" достойно порицания, его нужно усмирять и пересиливать по силам своим. Ибо очень трудно избежать этого свойства, если не приложить всю свою силу и всю свою мощь. Нужно победить его и уничтожить в себе, когда оно преступно, но держаться его, когда жестоковейность и дерзость достойны награды.

Поучительна и притча Руми «О том, как горный козел теряет рассудок», которая говорит не только о земных делах, но и о высших мирах (подробное толкование см. в [2]).

Козел в горах пасется высоко,
Меж скал, что от вершин недалеко.
Ему и подобает осторожно
Судить: опасность истинна иль ложна?

Козел пребывает в мире высших истин, остерегаясь стрелков и хищных зверей, – он думает о своем благе. Пребывая *меж скал*, он различает добро и зло, правую и левую сторону. Наверху много конкурентов, а потому легко потерять свое место. Осторожность означает страх лишиться вождельного и попасть под высокий суд. В мире сем способен учиться на своих ошибках лишь тот, кто верно рассуждает и различает, что есть добро и что есть зло.

Но вот он видит горную козу
За пропастью на склоне, там, внизу.
И тотчас меркнет свет в его глазах,
И корм ему – пустяк, опасность – прах.
Летит он через пропасть, слеп и глух,
Как будто пропасть – это лишь уступ.

Герой переводит взгляд из мира высшего в мир нижний, отдает внимание *женщине*, посланной Богом и появляющейся на его жизненном пути. Этот мотив встречается и в Притчах Соломона. Работа на пользу других и для неведомого Бога с сомнительной надеждой на воздаяние никогда не вызывает такого энтузиазма, как женщина-искусительница. Когда появилось реальное воплощение мечты, свет высшего бытия меркнет, видение прекращается. В темноте *тантры* нет различения и страха. Теперь уже не нужна пища – учения и знания. Опасность, которой грозят злые божества и ангелы, больше не пугает.

Но лучники умны, неторопливы,
Козлиный знают нрав и ждут поживы.
Им ведомо, что все забудет он,
Внезапным вождельем ослеплен.
И зверь, чей глас любви подруги кличет,
Становится нетрудною добычей.
Ведь и герою собственная страсть
Страшней порой, чем прочая напасть.

Стрелки не дремлют (Иов 16:13). Многие враги заинтересованы в том, чтобы прекратить путь героя. Собственная страсть умертвит искателя истины, если он не отказался от своей эгоистической цели – достичь делами праведности высшего божественного состояния.

Согласно Аристотелю, добродетель — среднее между двумя пороками-крайностями. Например, добродетель мужества находится посередине между пороками трусости и безрассудства, сдержанность - между необузданностью и бесчувственностью. Эта тема разрабатывается и современными философами. Между двумя вышеупомянутыми крайностями: трусостью и безрассудством — есть мужество, которое дальше от трусости, и благоразумие, которое дальше от безрассудства:

БЛАГОРАЗУМИЕ – Трусость < - > МУЖЕСТВО – Безрассудство
(ОСТОРОЖНОСТЬ – Страх < - > СМЕЛОСТЬ – Неосторожность),
МУЖЕСТВО – Безрассудство < - > БЛАГОРАЗУМИЕ – Трусость.

Точно так же есть порок скупости — и порок расточительства, а между ними две соответствующие добродетели: щедрость, которая дальше от скупости, и бережливость, которая дальше от расточительства. Отсюда следует, что добродетель не есть некая точка ровно посередине между двумя противоположными пороками, в которую можно попасть, как в мишень. Добродетель — это открытое пространство между двумя добродетелями, и в этом смысле этика должна быть объёмна, стереометрична. Мы смотрим на мир двумя глазами и благодаря этому воспринимаем его объёмно; мы слушаем мир двумя ушами и благодаря этому воспринимаем его стереофонично. Точно так же мы должны воспринимать мир «стереоэтично», как разброс возможностей, пространство колебаний между двумя добродетелями, — и не надеяться попасть в такую идеальную точку, где замирают всякие сомнения и угрызения совести. Нельзя быть в равной степени и щедрым, и бережливым; и смелым, и благоразумным. Приходится выбирать. Двойственность самих добродетелей обрекает любое человеческое действие на несовершенство. (М. Эпштейн. Клейкие листочки)

Срединный благородный путь провозглашается также в буддизме. В индуизме гуна саттвы (блага) есть равновесие между раджасом (активностью, возбуждением, напряжением сил) и тамасом (инертностью, косностью).

В. Томский выделяет в процессе перехода между состояниями три фазы: сначала фишка «загрязняется», человек находится в фазе нерешительности, затем преодолевает страх и испытывает приток энергии, наконец осознает причины страха и может уверенно идти вперед. Теперь он понимает свой страх и может действовать лучше, чем тот, кто не осознает опасности. При этом необходимо выбирать время перехода между осторожностью и смелостью и наоборот. Когда смелость преобразовала страх в жизненную силу, можно испытать возбуждение от победы над страхом и быстро достигнуть своей цели, но если слишком долго оставаться на этой стороне, есть опасность неосторожных действий. Хотя две стороны символической фишки полностью различны, страх, преобразованный в позитивную энергию, позволяет преодолеть осторожность, — эта энергия приводит нас в движение. Таким образом, Страх является центральной энергией фишки, Осторожность — искусством уклонения, а Смелость — искусством действия и противодействия [1].

Джатака о царевиче Панчавудхе трактует тему Страх и Отваги в рамках числовой символики [3].

Однажды бодхисаттва родился сыном бенаресского царя. В соответствии с прорицанием брахманов его нарекли Панчавудха, то есть «Искушенный в пяти способах ведения боя». Когда царевичу исполнилось шестнадцать лет, его отправили в город Таккасилу. Там всемирно прославленный наставник выучил его всем наукам, а под конец — пяти способам ведения боя.

Несмотря на предупреждения добрых людей, он бестрепетно вошел в чащу.

При виде бодхисаттвы яккха заревел: «Куда идешь? Стой! Я тебя сожру!» Однако бодхисаттва крикнул: «Яккха, я *верю в себя*, потому и пришел. Смотри, не приближайся ко мне, иначе я пушу в тебя отравленную стрелу. Тут ты и найдешь свой конец».

Стрела запуталась в волосах яккхи, и так же случилось со всей *полсотней* стрел царевича. Яккха одним движением стряхнул их с себя и двинулся на бодхисаттву. Царевич, безуспешно повторив свои угрозы, обнажил меч в *тридцать три* вершка

длиною и ударил яккху, затем метнул дротик и нанес удар палицей, но все оружие застряло в волосах яккхи.

Вступая в твой лес, и уже проникнув в него, я не полагался ни на лук, ни на иное оружие, а только на *себя самого*. Сейчас я нанесу тебе такой удар, что от тебя останется лишь мелкая пыль!

Издав боевой клич, бодхисаттва устремился на яккху и ударил его *правой рукой*. Рука его застряла в волосах. Так же застряла *левая рука*, обе ноги. Изловчившись, бодхисаттва боднул яккху головой, но и голова его завязла. Воин, испробовавший все пять способов ведения боя, оказался связанным в пяти местах. Но, и повиснув на яккхе, бодхисаттва оставался столь же бесстрашным и не собирался сдаваться.

Тут яккха задумался. "Этот человек наделён львиной отвагой, – размышлял он. – Хотя он и человеческой породы, но не похож на других людей: даже схваченным мной – ни капельки не боится. За то время, что я убиваю путников на дороге, ни разу ещё мне не попадался такой человек. Почему же всё-таки он не испытывает страха?" И, не решаясь сожрать царевича, яккха спросил его: "Эй, юноша! Почему тебе чужд страх смерти?" "А почему я должен бояться, яккха? – спросил в ответ бодхисаттва. – Прежде всего, каждый живущий умирает лишь однажды; кроме того, в моей утробе сокрыто особое оружие – "ваджира". Если ты сожрёшь меня, с "ваджирой" тебе не совладать: она перекрошит все твои внутренности, и оба мы погибнем. Вот почему я чужд страха". Конечно же, под "оружием" бодхисаттва подразумевал сокрытое в нём знание, но его слова заставили яккху задуматься ещё сильнее. "Этот юноша, без сомнения, говорит правду, – решил он. – Плоть такого человека-льва, даже если бы я отгрыз кусочек величиной с бобовое зерно, мне не переварить. Отпущу-ка я его"...

"Я-то пойду своей дорогой, но знай, что именно в наказание за дурные поступки в прошлых существованиях ты и осужден быть свирепым, кровожадным яккхой, питающимся плотью умерщвленных тобой людей. Если бы в этой жизни ты в слепоте невежества своего по-прежнему творил зло, то и в новых своих рождениях пребывал бы таким же слепцом. Но отныне, после встречи со мной, ты уже не сможешь творить зло". Бодхисаттва объяснил, каким злом для живого существа оборачиваются пять видов неправедных деяний и какие блага сулят пять видов праведных поступков. Устрашая яккху всевозможными способами и одновременно наставляя его в дхамме, он сумел обратить чудище в свою веру, убедил его в необходимости быть кротким и научил *пяти заповедям*.

Подробный разбор и толкование этой джатаки в библейских категориях можно найти в книге [4]. Встретив божество в демоническом облике, Иаков начал применять свои *пять* видов оружия, использовать *Пятикнижие*-Тору против Того, кто дал ее. Эгоизм опровергается с точки зрения эгоизма. Человеческое эгоистическое Я (Атман) и есть совершенный Бог (Брахман). Борьба за собственную чистоту – война с Богом; лишь перестав бороться, можно достичь чистоты и свободы.

Тантра *правой и левой руки* – практики йоги. Когда происходит передача знания, правая сторона становится левой – как в *зеркале*. Истинный Бог появляется только на самой границе миров, только для победителя, который сумел подойти к этому рубежу, в момент соприкосновения, встречи.

Ваджира – алмазная незыблемость обетований и веры. Внутри человека сидит несокрушимое *оружие*, путеводная идея, от которой он не отступится, так что даже Бог

не одолеет его. Тот, кто однажды истинно уверовал, уже умер для этого мира и родился для другого. Получив *удостоверение в вере* через личные практики, больше умереть он не может. Хотя он победил мир, вышел из него и не зависит от него, теперь нужно выяснить отношения с Богом. С богом, находящимся здесь – князем мира сего – он также способен разобратся.

Для сравнения еще приведем еще параллель из сказки-притчи Салтыкова-Щедрина «Карась-идеалист», которая описывает похожую историю. Правда, ее конец оказывается иным: добродетельные порывы не срабатывают, высокие слова остаются не услышанными.

...Карась, однако ж, не обробел. Во-первых, он столько разнообразных отзывов о щуке слышал, что и сам познакомиться с ней любопытствовал; а во-вторых, он знал, что у него такое *магическое слово* есть, которое, ежели его сказать, сейчас самую лютую щуку в карася превратит. И очень на это слово надеялся.

...Щука задумалась и как-то так загадочно на карася посмотрела, что он уж и совсем понял.... Но, должно быть, она еще после вчерашнего обжорства сыта была, и потому зевнула и сейчас же захрапела.

...Проспался ли, нет ли карась, но ума у него, во всяком случае, не прибавилось. В полдень опять он явился на диспут, и не только без всякой робости, но даже против прежнего веселее.

...Вечером, еще не успело солнышко сесть, как карась в третий раз явился к щуке на диспут. Но явился уже под стражей и притом с некоторыми повреждениями. А именно: окунь, допрашивая, покусал ему спину и часть хвоста. Но он все еще бодрился, потому что в запасе у него было магическое слово.

- Хотя ты мне и супротивник, -- начала опять первая щука, -- да, видно, горе мое такое: смерть диспуты люблю! Будь здоров, начинай!

При этих словах карась вдруг почувствовал, что сердце в нем загорелось. В одно мгновение он подобрал живот, затрепыхался, зацелкал по воде остатками хвоста и, глядя щуке прямо в глаза, во всю мочь гаркнул:

- Знаешь ли ты, что такое *добродетель*?

Щука разинула рот от удивления. Машинально потянула она воду и, вовсе не желая проглотить карася, проглотила его.

«Переворачивание фишки» [1], смелое действие, если оно совершается в неподходящих обстоятельствах, несвоевременно, в неудачный момент, будет ошибкой.

Литература

1. Томский В. Техника символической визуализации философских и психологических понятий // CONCORDE, 2017, N 2, с. 64-75.
2. Ирхин В.Ю. Влеку меня. http://lit.lib.ru/i/irhin_w_j/zhen.shtml
3. Ирхин В.Ю. О числовых превращениях в западной и восточной традициях // CONCORDE, 2017, N 2, с. 76-83.
4. Ирхин В.Ю. Игра. http://lit.lib.ru/i/irhin_w_j/igra.shtml